

ПАНАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕПЦИЯХ ЯПОНСКИХ ИДЕОЛОГОВ
30-40-х гг. XX в.

30-е – первая половина 40-х гг. XX в. стали периодом наиболее яркого проявления «позитивной» внешней политики Японии по отношению к Советскому Союзу, США, странам Европы, соседним государствам Восточной и Юго-Восточной Азии. Особое место в стратегии японского экспансионизма в Азии занимали вопросы формирования национального самосознания с помощью идеологии, призванной для обоснования империалистических устремлений Японии на азиатском континенте.

В данной статье приводятся и анализируются концепции нескольких видных японских идеологов: Миядзакэ Масаёси, Рояма Масамити, Ябэ Тэйдзи, Окава Сюдэй, Камикава Хикомачи, Такахаси Камэкичи, фрагменты исследований которых опубликованы в книге под редакцией американского профессора Дж. Лебра «Японская «сфера процветания Великой Восточной Азии» во Второй мировой войне»¹. Многие из вышеперечисленных ученых входили в так называемую «Ассоциацию исследований Сёва», созданную премьер-министром Ф. Коноэ для развития национальной политики и, таким образом, способствовали формированию теоретической базы, которой руководствовались политические круги при разработке внешнеполитического курса. Помимо статей и отрывков из трудов ученых Японии, США и стран Юго-Восточной Азии, в книге также собраны официальные документы японского правительства по вопросам идеологического обоснования, планирования, осуществления и последствий политики японского экспансионизма в 1930-1940-х гг.

Об окончательном превращении Японии в империю можно говорить начиная с периода Первой мировой войны и послевоенного сотрудничества с западными странами. Результаты работы Вашингтонской конференции подтвердили ее статус одной из ведущих наций. «21 требование», представленные китайским властям 18 января 1915 г., расширяли права и привилегии Японии в Шаньдуне, унаследованные ею от Германии, продлевали до конца столетия японское присутствие в Маньчжурии и запрещали проникновение третьих стран на китайское побережье. Сложившиеся обстоятельства благоприятствовали продвижению японского бизнеса на растущий китайский рынок и развитию арендованной зоны в южной Маньчжурии. Наличие японских «специальных интересов» в Китае закрепилось в «Соглашении Лансинг-Иси», заключенном с США 2 ноября 1917 г. Недостаточная ясность формулировок, содержащихся в соглашении, позволили Японии усилить экономическое и политическое вмешательство в деятельность китайского центрального правительства. Политическая позиция министра иностранных дел Японии Сидехара Кадзуро, сторонника сотрудничества с Западом, не находила поддержки у военных кругов, настаивающих на более агрессивном отстаивании прав и интересов Японии на континенте. Мацуока Ёсукэ, представляющий партию «Сэйюкай», на пленарном заседании палаты представителей 59-й сессии японского парламента 23 января 1931 г. выступил с критикой политики кабинета по отношению к США, Великобритании, СССР и Китаю, а затем обратился к маньчжурской проблеме, охарактеризовав ее как «проблема дальнейшего существования Японии»: «Я рассматриваю это как линию жизни нашего народа. Это относится как к сфере обороны, так и к экономике»². Выражение «линия жизни» подхватили газеты, и в скором времени оно стало крылатой фразой. В контексте выступления Мацуока ее смысл сводился не только к проблеме, затрагивающей существование государства, но и правам, достигнутым ценой ста тысяч жизней, павших в русско-японской войне.

Стратегия «линии жизни» стала частью маньчжурской формулы. На фоне военных действий в Северо-Восточном Китае, охарактеризованных японцами исключительно как акт самозащиты, и волне критики Лиги Наций популярность приобрели идеи паназиатизма – призыв обратиться к азиатскому прошлому Японии и способствовать объединению азиатских государств, свободных от западного колониализма. Для пропаганды и вовлечения студентов и молодежи в националистическое движение 7 декабря 1930 г. при Маньчжурском педагогическом институте было создано общество «Асахи но кай», ставшее авангардом студенческого движения за возрождение Азии. В манифесте общества Япония провозглашалась символом спасения Азии, способной разрушить диктат

¹ Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents / Ed. By Lebra G. G. L., – Kuala Lumpur, 1975.

² Эгути К. Дзюгонен сенсо-но каймоку (Начало пятнадцатилетней войны) // Сёва-но рекиси (История Сёва). Токио, 1982. Т. 4. С. 21.

европейской культуры и открыть путь к совершенствованию мировой культуры, а Маньчжурии уделялась роль передовой линии развития японского народа. «Без независимой идеологической культуры не может быть независимости государства. Если не будет японской идеологической культуры, способной победить культуру народов Великобритании, США, Германии, России и других стран, удержаться Японии в мире на завоеванной старшим поколением ценой своей крови высоте не удастся... Мы должны верить в святость японского духа, помнить о великих достижениях эпохи Мэйдзи, следовать пути истины и строить японский национализм мирового уровня»³. Идеями панasiatизма пестрили и страницы университетских газет. В опубликованной 20 мая 1933 г. в университетской газете «Такусёку дайгаку симбун» статье Мидзутани Ацудэ, студент университета Такусёку, закрепляет за Японией лидирующее положение в объединении Азии для «счастливой жизни и процветания миллиарда людей различных азиатских народностей»⁴. Приводя в пример судьбу Индии, Филиппин, Китая и других государств, обусловивших капиталистическое развитие Европы, автор призывает к освобождению Азии от империализма белой расы. С этой точки зрения, Мидзутани придавал особый смысл становлению государства Маньчжоу-Го. «Создание Маньчжоу-Го имеет большое значение, как первый шаг реализации идеи объединения азиатских стран... Задача японской внешней политики должна развиваться от совместного японо-маньчжурского блока (закрепленного японо-маньчжурским протоколом 15 сентября 1932 г. – авт.) к дальневосточному союзу (который позднее воплотился в курсе премьер-министра Коноэ по созданию «нового порядка в Восточной Азии» – авт.), затем к созданию азиатского союза (обозначенного во внешнеполитической программе правительства как «сфера сопроцветания Великой Восточной Азии» в 1940 г. – авт.)»⁵.

Стоит отметить, что в работах идеологов японского экспансионизма разрабатывались различные модели, определявшие структуру отношений Японии с континентальной Азией. Одна из ранних теорий 1930-х гг. – идея «Восточно-азиатской федерации» («Тоа рэммэй») – изложена в монографии Миядзаки Масаёси – одного из влиятельных сотрудников исследовательского отдела концерна «Мантэцу». Основная идея Миядзаки заключалась в том, что азиатские государства, в первую очередь Япония, Маньчжурия и Китай, должны объединиться в единую федерацию, основанную на системе восточных моральных принципов, которая стала бы оптимальным средством для ликвидации западной империалистической структуры в азиатских странах. Идеолог обосновывал необходимость укрепления военной мощи Японии ее ролью лидера и центра консолидации Востока и связанным с этим неизбежным противостоянием с одной или несколькими западными империалистическими странами, а также с Советским Союзом⁶.

Идеи Миядзаки получили развитие в дальнейшем политическом курсе Японии, который был закреплён в «Основных принципах национальной политики», принятых советом пяти министров 7 августа 1936 г. Они предусматривали: «1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства... 2. Укрепление обороноспособности государства... 3. Ликвидация угрозы со стороны Советского Союза путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны; укрепление экономических взаимосвязей между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем, что необходимо для противостояния Великобритании и США... 4. Расширение национального и экономического продвижения в район стран Южных морей». Армии предписывалось сосредоточить усилия на отражение атаки с севера, укрепить оборону в Маньчжурии и Корее на случай войны с советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке; флоту ставилась задача добиться преимущества над американскими силами на Тихом океане. В отношении Китая предполагалось способствовать признанию пяти северных китайских провинций и Внутренней Монголии особым регионом под суверенитетом китайского правительства, который будет иметь тесные экономические связи с Маньчжурией и Японией и усилит оборону против советской угрозы, а затем путем переговоров создать в регионе автономное самоуправление. В генштабе подчеркивали, что реструктуризация управления должна быть осуществлена исключительно мирными средствами и направлена на стабилизацию политической обстановки в Китае, установление «нового порядка» и содействие

³ Цит. по: Ито М. Мансю мондай-но рекиси (История маньчжурской проблемы). Токио, 1983. Т. 2. С. 765.

⁴ Мидзутани А. Мансю кенкоку то дайадзиасюги (Создание государства Маньчжоу-Го и панasiatизм) // Мансюкайхатсурон (Освоение Маньчжурии). Токио, 2003. С. 450.

⁵ Ibid. С. 454.

⁶ Miyazaki M. Theory of East Asian Federation // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 4-5.

экономическому процветанию Восточной Азии⁷. 3 ноября 1938 г. правительство Ф. Коноэ опубликовало официальное заявление, подписанное императором, в котором говорилось, что на данном этапе задачей Японии является установление «нового порядка в Восточной Азии». Новый внешнеполитический курс предполагал установление тесных дипломатических отношений между Китаем и Маньчжоу-Го, выработку единой антикоммунистической политики, укрепление японо-китайских отношений и двустороннее заключение антикоминтерновского соглашения в духе Тройственного пакта, подписанного Японией, Италией и Германией. Для достижения поставленной задачи и с учетом преобладающего в Китае положения Япония подразумевала сохранить войска на ключевых позициях для отражения советской угрозы на время действия предполагаемого соглашения. В экономической сфере Япония пыталась добиться признания Китаем свободы торговли и проживания японских граждан, расширения возможностей для разработки природных ресурсов, в особенности в Северном Китае и Внутренней Монголии, ограничения экономических отношений с третьими странами, не оказывающими поддержку новому курсу. Выживание нации, согласно Коноэ, зависело от достижения Японией экономической самодостаточности и разрушения системы международных отношений, основанной на теории расового превосходства, которая рассматривала азиатские народы как второстепенные объекты на международном поле⁸. Иначе говоря, это означало попытку установить японскую экономическую и политическую гегемонию во всем Китае и потребовать признания такого положения другими державами.

Заявление Коноэ вызвало ответную резкую ноту со стороны США, которые настаивали на сохранении в силе договора девяти держав. В ответ на это видный специалист в области истории дипломатии профессор Токийского университета Камикава Хикомачу в статье «Американская и японская доктрина Монро» (1939 г.) провел параллель между целями и направлениями внешнеполитического курса двух государств. Равно как и провозглашенная в 1823 г. доктрина Монро, которая препятствовала приобретению европейскими державами колониальных территорий на Американском континенте и их вмешательству во внутренние дела независимых американских государств, японская политика преследовала те же цели, только в отношении Азиатского континента. «Существующее положение в Азии, при котором все государства Восточной Азии, за исключением Японии, являются колониями или полуколониями европейских стран и США, напоминает ситуацию в западном полушарии в начале 19 века... Японская доктрина Монро основана на принципах борьбы против колонизации и интервенции и призвана защитить и сохранить Восточную Азию, поскольку раздел территории, осуществляемый западными державами, является нарушением территориальной целостности в этом регионе и представляет угрозу миру; Япония же, выполняя роль защитника Восточной Азии, не может не противостоять этому»⁹. По утверждению Камикава, в отличие от американской доктрины, которая способствовала территориальной экспансии для удовлетворения экономических потребностей государства, японский вариант доктрины, хоть отчасти и исходил из экономических соображений, «никогда не вызвал к территориальной экспансии, как в случае с американским идеалом»: «Япония не имеет ни малейших территориальных амбиций, и эта позиция достаточно разъяснилась в различных публичных заявлениях японского правительства с момента японо-китайских военных действий». Автор признает, что Маньчжоу-Го, хоть и было образовано с японской помощью, «является независимым государством, не имеющим отношения к территории собственно Японии»¹⁰. Ученый полагал, что азиатские государства находятся на этапе формирования единой экономической организации, которая, с одной стороны, будет отвечать потребностям развитой индустриальной экономики Японии, а с другой – способствовать преодолению аграрного этапа развития соседних стран. Камикава считал возможным добиться со стороны США признания правомочности японской политики в Восточной Азии.

Интеллектуальными отцами движения «нового порядка» в значительной степени были члены «мозгового треста», созданного Коноэ в 1933 г., также позднее известного как «Ассоциация исследований Сёва». В него входили многие выдающиеся ученые, журналисты, политики и служащие, которые снабжали премьер-министра ценными советами относительно внутренней и

⁷ Fundamentals of National Policy // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 62.

⁸ Konoe on The New Order in East Asia // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 68.

⁹ Kamikawa H. The American and Japanese Monroe Doctrine // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 28.

¹⁰ Kamikawa H. The American and Japanese Monroe Doctrine // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 28-29.

внешней политики Японии. Рояма Масамити, ученый из Токийского университета, внес, вероятно, наибольший вклад в разработку новых направлений в политике. В книге «Восточная Азия и мир», вышедшей в 1941 г., Рояма доказывал, что скорейший путь к урегулированию японо-китайских противоречий лежит в установлении «нового порядка» в Восточной Азии. Под «новым порядком» идеолог подразумевал объединение Японии, Маньчжоу-Го и Китая, основанное на принципах кооперации и сотрудничества, которое может быть достигнуто только дипломатическими методами. Рояма считал возможным достичь стабильность в регионе путем поиска равновесия между потребностями входящих в сообщество государств и установления тесных отношений между ними. В книге особо подчеркивалось, что что касается международных обязательств Японии, то данный альянс не должен быть враждебным к внешнему миру, однако его необходимым атрибутом должны быть функции обеспечения самообороны. Безусловно, «международные принципы, такие как политика «открытых дверей» и равных возможностей, входят в противоречие с принципами «нового порядка»... «Новый порядок» не означает игнорирование торговых прав других государств с Китаем, но повлечет изменения и ограничение этих прав... Любой пересмотр договора девяти держав будет включать новое понимание дальневосточных проблем заинтересованными государствами», для которого, считает идеолог, будет возможно найти компромисс между дипломатическими методами Японии и государств-защитников коллективной безопасности¹¹. Стоит, однако, отметить, что утверждения Рояма носили общий характер и не содержали конкретных механизмов воплощения декларируемых принципов в жизнь.

22 июля 1940 г. Коноэ сформировал второй кабинет, который определил дальнейший политический курс правительства. Поиски выхода из «китайского инцидента» заставили кабинет обратиться к «южному варианту» экспансии. Еще будучи морским министром в правительстве М. Ёнаи, генерал Койсо Куниаки призвал распространить сферу японского влияния на страны Юго-Восточной Азии: «Поскольку не представляется возможным создание идеальной автаркии... между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем, пора прибегнуть к ресурсам стран Южных морей, необходимым для реализации «нового порядка» в Восточной Азии»¹². Во время пресс-конференции, проведенной 1 августа, Мацуока, получивший пост министра иностранных дел в сформированном кабинете, объявил о создании «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания», ставшей основой новой внешнеполитической программы. В выступлении говорилось: «Наша внешняя политика ставит целью создание «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания», основанной на принципе императорского пути, куда войдут Япония, Маньчжоу-Го и Китай»¹³. В своей речи глава МИДа также затронул вопрос о включении в пределы сферы Французского Индокитая и Голландской Индии (Индонезии).

Идейно-философское содержание «сферы совместного процветания» раскрыто в книге Кояма Ивао «Задачи Японии и мировая история». «Идея сферы совместного процветания стоит выше государства и международного общества нового времени, но ростки ее уже взошли в отношениях между Японией и Маньчжоу-Го, они развиваются вместе с китайским инцидентом... Что является руководящим принципом сферы совместного процветания? Не что иное, как новая идея того, что принцип – каждый получает свое место – имеет моральное содержание»¹⁴. Глава семьи азиатских наций – такое место отводили Японии в новом объединении идейные вдохновители паназиатской политики. Окава Сюзумэ, видный политик и философ, сторонник крайнего национализма, в работе «Установление Великого восточноазиатского порядка» (1943 г.) считал, что Япония, впитавшая на протяжении столетий культуру и философию двух великих центров Востока – Индии и Китая, является носителем духа «трех наций», и именно ей предстоит выполнить свою великую миссию по объединению азиатских стран, обладающих схожим пониманием и толкованием мира и общей политической судьбой¹⁵.

Более практические и конкретные задачи, преследуемые созданием единого сообщества, последовательно изложены в меморандуме, подготовленном в 1940 г. для военно-морского

¹¹ Royama M. East Asia and the World // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 23-24.

¹² Цит. по: Crowley J. B. A New Asian Order: Some Notes on Prewar Japanese Nationalism // Japan in Crisis: Essays on Taisho Democracy. Ann Arbor, 1999. P. 282.

¹³ Proclamation of the Greater East Asia Co-Prosperity Sphere // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 72.

¹⁴ Цит. по: Поспелов Б.В. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974. С. 104.

¹⁵ Okawa S. The Establishment of the Greater East Asian Order // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 40.

министерства профессором Токийского университета Ябэ Тэйдзи, также входившего в «Ассоциацию исследований Сёва». Ябэ обозначил «восточноазиатскую сферу процветания» в качестве автономной зоны обеспечения безопасности Японии и снабжения ее необходимыми материальными ресурсами, включающую Северный Сахалин и Курилы на севере, Восточную Сибирь, Маньчжурию, Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Китай и Тибет на Западе, Голландскую Индию на юге, и океан до Гавайских островов на востоке. Для создания подобной сферы самообороны в меморандуме предлагались дальнейшие шаги во внешней политике: 1. Обеспечение военного плацдарма для проведения наземных и морских военных операций в различных секторах Великой Восточной Азии. 2. Ускорение переговоров по нескольким нерешенным вопросам, в особенности, по демаркации границ с Советским Союзом. 3. Разработка пакта о нейтралитете с СССР, который позволит обеспечить невмешательство в возможный конфликт Японии с Англией и США.

4. Создание военного плацдарма на юге Индокитая и установление контроля над Бирманской железной дорогой. 5. Поддержание дружеских отношений с Таиландом с рассмотрением возможности заключения союза. 6. Подготовка к совместной англо-американской операции, затрагивающей Сингапур, Гонконг, Филиппины, Гуам, Австралию и т.д.¹⁶ Обеспечение безопасности, под которым в первую очередь подразумевалось освобождение от давления США и Великобритании, приводило к возрастанию потребности в материальных ресурсах. «Необходимо увеличить добычу и производство сырья, а также разработку природных ресурсов внутри империи (сферы процветания – авт.). Наша задача – сконцентрировать усилия на увеличении объема производства стали, меди, угля, алюминия, магния, соды, хлопка, шерсти и т.д., в особенности в Маньчжурии и Китае... Что касается нефти, мы должны покупать ее в максимально возможных объемах у Голландской Индии, Мексики, Саудовской Аравии, Ирана, Венесуэлы, Перу, Румынии, Советского Союза и т.д., железо и медь – у Голландской Индии, Таиланда и т.д., никель и хром – у Новой Каледонии, боксит и олово – у Голландской Индии. С этой точки зрения необходимо развивать экономическое сотрудничество с дружественными государствами Южных морей – Индокитаем, Голландской Индией, Тимором, Новой Каледонией и Таиландом»¹⁷. Арита Хатино, возглавивший МИД в правительствах Хироита, Коноэ, Хиракумы и Ёнаи, определял создание подобного экономического блока закономерностью: «Различные регионы Восточной Азии настолько близки географически, исторически, расово и экономически, что не могут не оказывать помощь и содействие друг другу на благо совместного процветания... Отмена экономического неравенства, часто служившего источником конфликтов, будет являться гарантией мира», – говорилось в меморандуме¹⁸.

По мере осуществления планов продвижения на юг, правительство должно было убедить азиатские государства, что освобождение от «белого империализма» – это и есть одна из главных целей войны. Выступая в январе 1942 г. в палате пэров, глава правительства Тодзио Хидеки обозначил круг новых государств, которые должны были присоединиться к «сфере процветания». К ним относились те регионы, чья «культура и развитие подавлялось безжалостной эксплуатацией Англии и США на протяжении последних ста лет... Одни из них, Гонконг и Малайя, многие годы были английским владением, и это препятствовало установлению мира. Поэтому Япония намерена не только искоренить источник зла, но, более того, превратить эти территории в оплот Великой Восточной Азии. Что касается Филиппин, то если народ, населяющий эти острова, поймет истинные намерения нашей страны и предложит сотрудничество, Япония с радостью поможет им обрести честь и независимость. Это в равной степени касается и Бирмы... Мы будем способствовать благосостоянию и прогрессу народов Голландской Индии и Австралии, стоит им только выразить желание содействовать нашей политике»¹⁹. Такая пропаганда отчасти возымела действие. Так, действие японских войск в Бирме в начальный период войны облегчались тем, что японцы пообещали бирманскому народу независимость. Значительного успеха Япония добилась в Голландской Индии, где многие поверили в «освободительную» миссию японской армии. В результате, вторжение японских войск получило поддержку в виде стихийных народных выступлений против голландских колониальных властей. Точно так же обещание предоставления

¹⁶ Yabe T. Greater East Asia Co-Existence Sphere // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 33-34.

¹⁷ Yabe T. Greater East Asia Co-Existence Sphere // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 35.

¹⁸ Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 77.

¹⁹ Ibid. P. 80.

независимости позволило японцам найти опору в руководстве Национальной партии Филиппин и даже добиться определенной поддержки католической церкви в этой стране.

В 1943-1945 гг. в основу пропагандистской деятельности среди населения Маньчжурии и других оккупированных Японией стран были положены принципы «Декларации Великой Восточной Азии», принятой 9 ноября 1943 г. на конференции глав правительств Японии и марионеточных режимов Китая, Маньчжоу-Го, Филиппин и Бирмы. Принципы гласили: 1. Обеспечение стабильности в регионе путем обоюдного сотрудничества, способствование процветанию и благоденствию, основанному на справедливости. 2. Взаимное уважение суверенитета и независимости, поддержание мирных и дружеских отношений друг с другом. 3. Взаимное уважение традиций и развитие культуры. 4. Ускорение темпов развития экономики путем тесного сотрудничества и, таким образом, обеспечение процветания региона. 5. Установление дружественных отношений со всеми странами мира, борьба за отмену расовой дискриминации, содействие развитию культурных связей и открытию доступа к мировым природным ресурсам²⁰. В приветственной речи глава японского правительства Тодзио еще раз подтвердил стремление своей страны «следовать дорогой справедливости, освободить азиатские страны от англо-американского рабства и в союзе с соседними нациями бороться за создание Великой Восточной Азии»²¹.

Идеология экспансионизма в Юго-Восточную Азию сложилась в то время, когда Япония оказалась в тупике отношений с Китаем в результате «китайского инцидента» на фоне усиливающегося давления западных держав. В своих трудах, опубликованных в 30-40-е гг. XX в., японские идеологи развивали концепции регионализма, в основу которых были положены идеи национальной обороны и экономического блока. Подводя под свои исследования научную базу и исторические прецеденты, ученые, с одной стороны, теоретически обосновывали правильность и справедливость международных акций японского правительства, а с другой – способствовали становлению внешнеполитического курса государства и формированию общественного мнения.

²⁰ Joint Declaration of the Greater East Asia Conference // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 93.

²¹ Address of Prime Minister General Hideki Tojo before the Assembly of Greater East-Asiatic Nations // Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. P. 92.